

С.А. ШАВЕЛЬ,
ДОКТОР СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ НАУК (МИНСК)

ПЕРЕЧИТЫВАЯ ЛЕВАДУ: ОТ ПРОШЛОГО К БУДУЩЕМУ

Представлены размышления о работе Ю.А. Левады «Лекции по социологии». Presented are the thoughts of the «Lectures of sociology» by Yu.A. Levada.

Тамара Васильевна Левада, вдова Юрия Александровича, прислала нам, белорусским социологам, две его книги: «Воспоминания и дискуссии о Юрии Александровиче Леваде» и «Лекции по социологии». О первой из них хорошо, по моему мнению провидчески, сказал Б.З. Докторов: «Книге суждено стать библиографической редкостью... ее тираж всего 150 экземпляров, который практически уже разошелся между друзьями Левады, его коллегами и соавторами книги»¹. О справедливости этих слов можно судить уже по тому, что в Беларуси присланный нам экземпляр, видимо, единственный, – во всяком случае мне второго обнаружить не удалось. К счастью, при сегодняшней технике сканирования и ксерокопирования нет проблем с увеличением тиража.

Возьму на себя смелость утверждать, что белорусские социологи помнят, чтят и читают Леваду. Он неоднократно бывал в Беларуси, выступал перед разными аудиториями, публиковался в нашем журнале «Социология»². Более того, по словам Докторова, бабушка Левады «принадлежала к старому польско-литовскому графскому роду Сангелло»³. Думается, генеалогические изыскания привели бы нас в Великое Княжество Литовское на территорию Белой Руси, именуемой в прежних летописях Литвой. М.В. Довнар-Запольский, например, говорит о кобринских владениях князей Сангушко(в)⁴, – возможно, это родственные фамилии или одна и та же с некоторыми модификациями.

В моей памяти запечатлился образ Левады конца 1960-х гг. и его знаменитые (без какого-либо пафоса) лекции по социологии на факультете журналистики МГУ. Я в то время был студентом философского факультета, ходил, как и все наши предшественники, в том числе и Левада, как пишет Н.И. Лапин, «по узким коридорчикам философского факультета в старом здании МГУ, на Манеже»⁵. Странно, но привычного стенда с портретами лучших выпускников не было, да и будь он – вряд ли туда поместили бы фотографию Левады, хотя он уже был доктором философских наук, профессором. Специализации по социологии тогда еще не было, первый учебный курс для студентов вечернего отделения начала читать Г.М. Андреева, – кажется, он шел под грифом «критики», – спецкурс под интригующим названием «Социология бизнеса» Д.М. Гвишиани. Лекции Левады быстро приобрели популярность, слушать их действительно собиралась «вся Москва», как заметила Т.И. Заславская. Свидетельствую, что многие наши друзья – студенты и аспиранты естественных факультетов – пропустили свои занятия ради лекции Левады.

Перечитывая сегодня этот краткий по объему курс (типографский набор третьего тома был рассыпан), хочется понять, в чем была сила его привлекательности, почему он вызвал столь резкую отрицательную реакцию некоторых обществоведов и официальных инстанций, насколько справедливой и аргументированной была критика, чем мотивировался автор, а главное – какое влияние он оказал на формирование социологического мышления не только социологов-первопроходцев и следующих поколений, но и всего общества, что он может дать сегодняшним студентам-социологам, современной молодежи в целом как в содержательном плане, так и особенно в связи с этическими императивами жизненной позиции автора. В книге воспоминаний с разных сторон характеризуются научные достижения Левады. Безусловно, его творчество достойно полного и целостного анализа – от кандидатской диссертации по формам народной демократии в Китае (для чего он выучил китайский язык) и докторской по социологии религии до многочисленных публикаций по мониторингу общественного мнения, «советскому человеку» и др.

В.В. Колбановский, редактор первого издания книги лекций в 1969 г., считает, что вклад Ю.А. Левады в становление новой науки заключается в:

- 1) силе неравнодушной и нестандартной научной мысли;
- 2) высоте нравственного поведения и поступка;
- 3) «его удивительном юморе, тонкой иронии и по отношению к самой сложной научной проблематике, и по отношению к самому себе»⁶.

Все это, безусловно, присутствует в лекциях, в том числе юмор и ирония. По поводу строительства преимущественно коммунальных квартир он замечал: «Кроме жилищной нищеты и бедности ресурсов было и еще одно, “идейное”, обоснование: нужно воспитывать в людях коллективизм»⁷. Невольно возникают образы «большого дома» в ирокезской овачире или сербской задруге, современной малосемейной «общаги», казармы, барака и т. д.

Вот он говорит: «Довольно серьезный вопрос» – это о возможности «по желанию получать потомство желаемого пола у людей»⁸. Конечно, в студенческой аудитории такой пример не мог не вызвать улыбок и повышенного внимания. А дальше идет краткий научный анализ «фантастической пока ситуации» программирования пола, талантов, физических, нравственных и других качеств. Возможно, с генетической точки зрения это реально, по мнению автора, но что принесло бы это людям: кто сделает регулирующий аппарат и будет вертеть его ручку? Такой аппарат, со скрытой иронией замечает лектор, «должен стоять не рядом с домашним холодильником, а, скажем, на базе стратегических бомбардировщиков». А если так, то, по видимому, этот сугубо интимно-семейный процесс супруги контролировать вряд ли смогут. «В восторг подобная перспектива не приводит». И общий вывод в духе «нищеты историцизма» К. Поппера: «Не всегда сложный стихийно регулируемый процесс стоит превращать в направленное действие»⁹. Это не выпад, как кому-то показалось, против планового начала и вообще против эссенционализма, наделяющего понятия самостоятельной сущностью и существованием. К этому ведет строго логический, непредвзятый ход размышления по данной конкретной проблеме, в чем может убедиться каждый, в том числе и сторонник использования генной инженерии с целью выведения «новой породы людей». Интересно, что несколько позже (в 1981 г.) М.К. Мамардашвили писал: «Одной из катастрофических идей XX в. является идея нового человека (как бы лабораторно созданного), идея инженерии человеческих душ. Реальный парадокс истории состоит в том, что дай нам Бог порождать или породить **просто** человека, имеющего свое назначение»¹⁰. Современный Китай в демографическом вопросе придерживается стандарта «одна семья – один ребенок», что уже вызвало гендерный дисбаланс. «Из-за избирательных аборт рождается на 16 %

больше мальчиков, чем девочек, и это, по предсказаниям многих ученых, приведет к общественной нестабильности»¹¹.

Данный пример показателен, ибо он отражает общий метод построения содержания лекций. Юмор, ирония – не самоцель, они служат пробуждению эмоциональной сферы, поскольку поиск истины без эмоций, как известно, невозможен. Но главное – лекции учат не просто социологии, а продуктивному творческому мышлению на социологическом материале. Думающий и эмоционально чуткий студент, безусловно, согласится с выводом о сомнительности планирования пола и других качеств человека; более того, он самостоятельно придет к этому выводу, придерживаясь исходных посылок аналитической схемы.

Г.В. Осипов, вспоминая период подготовки «Лекций» к изданию, отмечал: «Когда я прочитал рукопись, то, признаюсь, почувствовал себя нехорошо. К тому времени уже вышли аналогичные публикации, например, обстоятельная книга “Элементарные понятия социологии” Яна Щепаньского, с которым у меня были тесные деловые и дружеские отношения, а также некоторые переводы трудов американских авторов»¹². К сожалению, социологической литературы тогда было крайне мало. Из переводов были известны, пожалуй, только две работы: 1) Р. Мертон и др. «Социология сегодня. Проблемы и перспективы» (М., 1965); 2) Г. Беккер, А. Босков «Современная социологическая теория в ее преемственности и изменениях» (М., 1961), посвященная в основном проблематике социальной философии. Первые публикации отечественных авторов – Г.В. Осипова, В.Н. Шубкина, И.С. Кона, В.А. Ядова, В.Э. Шляпентоха, Г.М. Андреевой, Р.В. Рывкиной, Б.М. Фирсова, в Белоруссии – Г.П. Давыдюка, Е.М. Бабосова, С.Д. Лаптенка и др. – свидетельствовали о кумулятивном накоплении сил, но не могли удовлетворить быстро растущие потребности. Особенно остро ощущался дефицит в области методологии и методики эмпирико-социологических исследований и математико-статистических методов анализа. Оригинальные труды зарубежных социологов по этим проблемам оставались малодоступными, а те, что шли как «критика буржуазной социологии», скорее мешали, чем помогали. К «аналогичным публикациям» близка работа А.Г. Здравомыслова «Методология и процедура социологического исследования» (М., 1969), но ее в полной мере нельзя отнести к собственно учебной литературе. Таким образом, из лекционных курсов остаются работы Левады и Я. Щепаньского. И раз они стоят в одном ряду, то целесообразно понять не только их сходство, заданное уже самим предметом, но и различия, обусловившие их дополнительность, по крайней мере, в то время.

Книга Щепаньского – это введение к систематическому справочнику по социологии. Как полагал сам автор, «работа эта будет способствовать ускорению процесса становления языка социологии»¹³. Для того времени такая цель была более чем оправданной. Напомним, что первый в СССР социологический словарь подготовили социологи БГУ. Он вышел в Минске в 1984 г. и имел большую популярность. Такая информационно-разъяснительная направленность книги Щепаньского (лекции читались студентам-социологам первого курса Лодзинского университета) обусловила и стиль изложения. Автор, раскрывая содержание понятий культуры, ценности, мобильности, отношений, класса и др., приводит имеющиеся дефиниции, выражающие разные значения терминов, затем уточняет, дополняет их или дает собственное определение. Это традиционная преподавательская практика, рассчитанная на овладение (запоминание) слушателями языком науки. Здесь нет никакой проблемы, если не считать таковой стремление студентов к высокой оценке, соответственно и маловероятны содержательные вопросы, а значит, избыточны дискурс-анализ и дискурсивная психология в современном понимании.

Лекции Левады принципиально иные, они не только не требуют «зубрежки», но и делают ее излишней и невозможной. Действительно, что здесь запоминать: весь текст? – бессмысленно; отдельные иноязычные транскрипции? – так они вполне адекватны по-русски: мобильность – перемещение, сатурация – насыщение, экспектация – ожидание, структура – строение и т. д. Кроме того, многие научные термины (и не только социологические) взяты из живого разговорного языка: группа, отношение, связь, ценность, наследование и пр. При их освоении первостепенное значение имеют контекст и интерпретация. Например, сколько человек составляет малую группу? Левада отвечает: «Самое минимальное число – два». Это соответствует здравому смыслу и не случайно именно «диада» (двойка) рассматривается как исходная модель социальной системы при изучении разных форм интерактивности – отношений, связей, обмена, конфликта и т. д. По Щепаньскому, группой является «число лиц не меньше трех». «Тройка», как сегодня показано, есть элементарная форма социальной сети, в коммуникационном смысле она может быть или разомкнутой, когда один из членов выполняет роль посредника, или замкнутой. Дополнительные эффекты «тройки» проявляются как в усилении взаимодействия, так и в тормозящих и даже деструктивных следствиях. Кстати, Левада обращает внимание на «удивительное число 7» и показывает, на чем основывается представление, что «оптимальным размером малых групп является 7 ± 2 »¹⁴. Таким образом, если в лекциях Левады выделить только два (чтобы не растворять главное) наиболее существенных признака, то это будут: герменевтика и эвристика. Благодаря им его лекции многие годы сохраняют и будут сохранять свою интеллектуальную привлекательность, неослабевающий интерес и психологическое воздействие на формирование творческого, конструктивного мышления. Книга Щепаньского выполнила свои задачи в тех конкретно-исторических условиях места и времени и тем самым исчерпала себя. Сегодня при обилии учебной и справочной литературы мало кто обратится к «Элементарным понятиям социологии» в поисках толкований тех или иных терминов, в то время как число ссылок (индекс цитирования) на «Лекции» Левады после нового издания книги заметно возросло. Сужу об этом как член Экспертного совета ВАК Беларуси, обязанного читать все диссертационные работы по социологии и политологии. Герменевтика лекций позже воплотилась в известном девизе ВЦИОМа «От мнений к пониманию». Суть ее, как видно, не в дешифровке текстов, переинтерпретации терминов и т. п., а в осмысленном понимании социального бытия конкретного социума как реального процесса индивидуальной и общественной жизни людей. Тем самым многие мысли автора сохраняют свою актуальность и позитивное значение для современности.

Возьмем для примера лекцию «Процесс урбанизации» – самую краткую в работе. Лекция начинается с вопроса, может ли огромное число территориальных перемещений людей «привести к общему социологическому “знаменателю”, найти ось, на которую удалось бы нанизать подобного типа сведения?»¹⁵. Имеются в виду миграционные потоки разной направленности и интенсивности, вынужденные и добровольные, временные и постоянные, возвратные (маятниковые) и поселенческие. Автор отвечает на данный вопрос утвердительно, добавляя, что таким общим знаменателем является урбанизация. С точки зрения дидактики это прием заинтересованного введения в проблему, а для практикующего социолога – проблематизация как предпроектный этап методологической рефлексии, ориентирующей мышление на поиск решения.

Под урбанизацией, исходя из этимологии термина (лат. *urbs* – город, *urbanus* – городской), чаще все понимается процесс стихийного собирания (переселения) людей в крупных поселениях, рост городов, их укрупнение с

возникновением современных агломераций, мегаполисов. В обыденном восприятии акцентируется главным образом количественная сторона явления. Статистика подтверждает тенденцию к ускоренному росту самых больших городов. «Таковы, – по словам Левады, – почти все данные об урбанизации, приводящиеся в мировой литературе. Ограниченность их в том, что они предполагают подход к городу с точки зрения административной или административно-архитектурной»¹⁶. В отличие от такого подхода автор предлагает учитывать прежде всего изменения в образе жизни, что значительно сложнее и требует проведения социологических исследований. Чисто количественный подход чреват иллюзиями относительно преимуществ города по сравнению со всеми иными мирами – сельским, кочевым, хуторским и т. д. Но, подчеркивает Левада, если измерять урбанизацию, надо учитывать прежде всего изменения в образе жизни. «Понимаемая так урбанизация может быть и в деревне, и в поселке, и даже на отдельном хуторе. Она охватывает все общество».

Выдвижение на первый план категории образа жизни как сущностной характеристики явления урбанизации было инновационным как для отечественной научно-исследовательской работы в этой области, так и для практики градостроения. Нужно учесть, что зарубежные исследования проблематики городов, например Чикагской школы, оставались в то время практически недоступными для научной общности, особенно студенчества. К тому же, как теперь ясно, они не ставили в центр внимания изменения образа жизни, сосредоточиваясь на изучении поведения и условий жизнеобеспечения (Р. Парк, Э.У. Берджесс), культурной маргинальности и адаптации мигрантов (У. Томас и Ф. Знанецкий), классовых отношениях (Р. и Х. Линды), символической жизни граждан Янки-Сити (У. Уорнер) и др. Тем самым концептуальная идея Левады стала по большому счету достаточно новаторской и для мировой социологии города. Более того, ее актуальность со временем только усилилась. Во многих развитых странах уже много лет нарастают процессы субурбанизации – переселения горожан в пригороды с сохранением места работы в городе, что усиливает так называемую «маятниковую» миграцию. На постсоветском пространстве еще в 1990-е гг. возник «дачный бум»: после отмены надуманных ограничений большинство городских семей постарались получить земельные участки и построить за городом более-менее комфортабельное жилье. В Беларуси такие процессы имеют некоторую специфику. Достаточно вспомнить «минский феномен» 1970-х гг., когда за короткий срок население белорусской столицы выросло на 38,6 %: с 916,9 тыс. в 1970 г. до 1230,5 тыс. человек в 1976 г.¹⁷ Это был плановый рост с сознательным стимулированием миграции в связи с острой потребностью в строительстве метро, для чего в то время требовалась определенная численность населения (для получения союзного финансирования на строительство). В настоящее время ставится задача ограничения роста Минска за счет строительства городов-спутников как первый шаг, а главное – развития регионов с тем, чтобы закреплять людей, особенно молодежь, на местах. Второй пример связан с реализацией «Программы возрождения и развития белорусского села», в соответствии с которой к настоящему времени построено 1500 агрогородков, т. е. сельских поселений городского типа, как их называли раньше. Как видим, предложенное Левадой определение урбанизации является работающей категорией.

Чтобы понять страсти вокруг лекций Левады, противоречивые, вплоть до противоположных, реакции на них, целесообразно провести ретроспективный анализ – реконструировать хотя бы в общих, но принципиальных моментах гносеологическую ситуацию в общественной науке того периода, в частности научного статуса исторического материализма. Термин «истори-

ческий материализм» ввел в научный оборот Ф. Энгельс. В работе «Развитие социализма от утопии к науке» он писал, что употребляет это выражение «для обозначения того взгляда на ход всемирной истории, который конечную причину и решающую движущую силу всех важных исторических событий находит в экономическом развитии общества, в изменениях способа производства и обмена, в вытекающем отсюда разделении общества на различные классы и в борьбе этих классов»¹⁸. В приведенной формулировке исторический материализм характеризуется, во-первых, именно как «взгляд», т. е. как подход к изучению общественных явлений, описанию и представлению хода всемирной истории, логики исторических событий. Слово «взгляд» (вместо «теория») употреблено не случайно, – оно указывает на противостояние другим точкам зрения, позициям, подходам, которых может быть много: в XIX в. – религиозно-идеалистические, позитивистски-многофакторные и др.; сегодня наряду с формационным подходом цивилизационный (А. Тойнби), «осевого времени» (К. Ясперс), миросистемный (Валерстайн) и др. Во-вторых, отличительной чертой данного подхода является его однофакторность, т. е. признание доминирующим фактором только экономического развития. Позже Энгельсу пришлось защищаться от обвинений в «экономическом детерминизме»; признавать, что определяющими будут «производство и воспроизводство непосредственной жизни»¹⁹, а это шире экономики, поскольку включает демографический процесс, воспитание и образование подрастающих поколений, культуру общества в целом. В-третьих, классовый принцип не отменяет и «не снимает» все иные различия между людьми – этнические, конфессиональные, расовые, гендерные и прочие, которые при некоторых обстоятельствах могут приобретать важнейшее значение.

На рубеже 1950–1960-х гг. развернулась широкая дискуссия о специфике и предмете исторического материализма. Внутренним импульсом стало стремление преодолеть ряд унаследованных догматических положений (одноклассовость надстройки, усиление классовой борьбы по мере укрепления социализма и др.), выявить направления развития, а главное – более строго определить научный статус исторического материализма. Приведенная характеристика Энгельса оставляла его в рамках философии как философию истории или социальную философию. Этому соответствовала устоявшаяся дефиниция истмата как науки о наиболее общих законах развития общества. В это же время происходили структурные и организационные изменения. Исторический материализм отделился от диалектического как самостоятельная научная дисциплина (отдельные кафедры, учебные программы, исследовательские подразделения, специализация), позже от него отпочковались этика и эстетика, а также научный коммунизм. Исторический материализм приобрел двойное название: общая теория исторического процесса, или марксистская социология. Дискуссии еще больше обострились с появлением конкретно-социологических исследований. Б.А. Чагин писал: «Одним из важных вопросов, который дебатировался в течение ряда лет, начиная с 1957 года, и дебатруется и по настоящее время, является проблема соотношения исторического материализма и конкретно-социологических исследований»²⁰. Пионеры новой, точнее, возрождающейся науки доказывали, что наряду с историческим материализмом должна существовать социология как особая самостоятельная наука. Сторонники традиционного подхода настаивали на том, что «исторический материализм, будучи философской наукой, является в то же время марксистской социологией»²¹.

Первая позиция основывалась на том, что исторический материализм не имеет научно-понятийного аппарата, методической базы, математико-статистических методов, процедур шкалирования и пр. для того, чтобы на основе эмпирических данных изучать динамику социальных процессов, про-

гнозировать тенденции изменений с учетом социальных ожиданий и настроений людей. Серьезными проблемами, практически не рассматриваемыми в истмате, были и остаются мотивация просоциальной активности, девиантное поведение, социальный и человеческий капитал, общественные настроения и многие другие. Не зная состояния массового сознания и выражающего его общественного мнения, невозможно прогнозировать электоральные предпочтения, потребительское поведение, миграционные установки, удовлетворенность теми или иными сторонами жизни, индексы доверия органам власти и социальным институтам, степень напряженности отношений, структуру интерактивности и согласованность ожиданий. Сегодня все это достаточно очевидно, но в то время предложения об институционализации социологии воспринимались многими как подрыв базовых принципов, протаскивание буржуазной терминологии с соответствующими идеологическими последствиями.

Социологи в данной дискуссии прибегли к такому традиционному методу аргументации, характерному для всей истории общественной мысли, как ссылка на авторитеты, в данном случае на классиков марксизма-ленинизма. Так, было показано, что Маркс не только широко использовал эмпирические данные в «Капитале» – переписи, отчеты, обследования инспекторов по труду, но и составил анкету для рабочих, включавшую 99 вопросов²². Энгельс, изучая положение рабочего класса Англии, основывался во многом на социологических методах – результатах собственных наблюдений, бесед, анализе жалоб, материалов прессы и т. д. Ленин ставил задачу проведения серии социальных исследований²³, в ряде работ продемонстрировал социологический подход, опубликовал статью «Статистика и социология». Все это сыграло свою роль на этапе признания конкретно-социологических исследований, но лишь в рамках исторического материализма как общесоциологической теории. Создание в 1968 г. Института конкретных социальных исследований (с 1972 г. – Институт социологических исследований) АН СССР не решило проблему институционализации социологии, дискуссии продолжались.

Левада непосредственного участия в них не принимал. Даже в статье «Сознание и управление в социальных процессах», опубликованной в журнале «Коммунист» в 1966 г., не затрагивается тема размежевания и т. п. В «Лекциях» также нет прямого противопоставления, критики. Он пошел другим путем: представил позитивное изложение наиболее актуальных проблем социологической науки, которые исторический материализм или не затрагивал вовсе (социальное действие, ценностные ориентации личности, мобильность, ролевые ожидания, социальная структура личности, престиж профессий...), или, затрагивая, помещал их в особый историко-материалистический контекст, используя понятийный аппарат высшего уровня абстракций (общество как система, социально-классовая структура, культура и наука и др.).

В выступлении на одном из обсуждений «Лекций» 24 ноября 1969 г. (запомним дату!) Левада сказал: «О соотношении социологии и исторического материализма в “Лекциях” сказано очень кратко и здесь можно кое-что пояснить. Как и многие другие, я не считаю, что в конкретном исследовании всегда можно непосредственно применять категории исторического материализма. Нужна специфическая разработка категориального и понятийного аппарата... Если исторический материализм – фундамент, то на нем надо строить здание, наподобие того, как строятся целые кварталы зданий исторических, юридических, экономических и прочих наук. На одном “фундаменте” жить нельзя, да и сам он, без “крыши”, может начать портиться... Я отнюдь не предлагаю “разрыв”, “противопоставление” и пр. Я лишь говорю о потребности в своего рода “органическом” (если использовать этот из-

вестный социологический термин) **единстве**, основанном на разделении труда и сотрудничестве. Что тут плохого? Что тут опасного для авторитета нашей единой марксистской науки?»²⁴ Вдумаемся еще раз в аргументацию. Тезис автора, что категории исторического материализма нельзя напрямую применить в конкретном исследовании, был очевиден для тех, кто уже включился в социологическую работу: «пошел в люди», переступил заводскую проходную как исследователь, а не экскурсант. Действительно, если изучать те же производственные отношения не вообще, не в истории человечества и не на всем земном шаре, а на отдельном заводе, то прежде всего, отталкиваясь от истматовского определения их как отношений по поводу средств производства, собственности, необходимо операционализировать само понятие, дать ему эмпирическую интерпретацию. Для конкретно-социологического анализа качества жизни аналогичные процедуры необходимо провести с категорией «общественное бытие» как с реальным процессом жизнедеятельности людей. Все это и есть специфическая разработка категориально-понятийного аппарата, о которой говорил Левада.

Попытки строить эмпирико-социологическое исследование конкретной проблемы на основе абстрактных категорий равносильны, как однажды иронично заметил В.Б. Ольшанский, стремлению спланировать по глобусу войсковую операцию роты или батальона. Исторический материализм не имел соответствующей методической базы для осуществления такого рода научных операций, и это все хорошо понимали. Спустя некоторое время вышла двухтомная работа по историческому материализму²⁵. Организатор и ответственный редактор издания Ю.К. Плетников собрал ведущих специалистов страны в этой области, создавших действительно лучшую истматовскую работу. Но и в ней нет социологических тем и разделов (например, социологии труда, социологии личности и др.), как и попыток операционализировать парные категории «общественное бытие – общественное сознание», «базис – надстройка», «производительные силы – производственные отношения» и др. Это еще раз подтверждает обоснованность второго тезиса автора: о потребности в сотрудничестве на основе разделения труда. Перефразируя Маркса (о значении «Слова о полку Игореве»), можно сказать, что это был призыв к единению незадолго до развала Советского Союза. Возможно, это была сила предчувствия или глубина предвидения – как знать. Понятно, что говоря о сотрудничестве, автор имел в виду конституирование исторического материализма в качестве социальной философии с одновременным признанием и поддержкой институционализации социологии как отдельной и самостоятельной отрасли знания, если угодно – третьей части марксизма, которую Ленин почему-то назвал «социализмом»²⁶. Позже он писал: «Как будет выглядеть законченный социализм, – мы этого не знаем»²⁷, т. е. имел в виду тип общественного устройства, первую стадию коммунистической формации.

Что касается поставленных Левадой вопросов («что тут плохого?», «в чем опасность?»), то они адресовались, безусловно, тем, кто нагнетал страсти, запугивая общество и руководство надуманными угрозами, которые якобы несет социология общественным устоям и чистоте учения. Но опасность надвигалась с другой стороны: консервация ортодоксального стиля мышления стала препятствием на пути к той части научных знаний, без которых управление социальными процессами (в широком смысле) крайне затруднительно или невозможно. Это знания о природе человеко-размерных объектов и систем, состоянии массового сознания, ожиданиях и настроениях людей, мотивации активности, характере национальных, конфессиональных и других внеклассовых различий и отношений и пр. Сакральные слова Ю.В. Андропова о том, что мы плохо знаем общество, в котором живем, лишь подтвердили суждение Левады. Спустя 20 лет с не-

большим, после запрета «Лекций», исторический материализм, так и не преобразованный в нормальную социальную философию, оказался буквально растоптан и исключен из исследовательского поля и из числа учебных дисциплин. Это был серьезный удар и по социологии, ибо без философских оснований немыслима социологическая методология, а значит, развитие теории и практики эмпирических исследований.

К чести Левады, он никогда не был антимарксистом в теории, как и диссидентом в политике. В «Лекциях» много ссылок на Маркса, причем не формальных – для цензуры, а всегда концептуальных и проблемных. Так в 3-й лекции он говорит: «Человек, как писал в свое время Маркс, не изолированный индивид, а “мир человека, государство, общество”». И здесь же постановка проблемы: «Что же входит в “мир человека”?»²⁸ Понятно, что это не такая уж простая проблема, хотя бы потому, что следует ожидать от слушателей и каверзных вопросов, скажем, о наркотиках, порнографии и т. п. Но ведь и Маркс не идеализировал этот мир; наоборот, раскрывая общественную сущность человека, он предостерегал от самообмана индивидуализма.

В своих воспоминаниях А.Д. Ковалев писал: «Тогда стало довольно популярным мнение: вот, де, первый официально заявивший о себе немарксист. Но это было по существу недоразумение»²⁹. Да, Левада выступал против монополии на истину некоторых адептов, о которых сам Маркс говорил: «Если они марксисты, то значит я – не марксист», не соглашался с отдельными положениями, например с антропологическим учением Маркса и т. д. Но он учил не отбрасывать ничего ценного из общественной мысли прошлого и современной по внаучным соображениям – корпоративным пристрастиям, ложно толкуемой партийности и т. д. Следуя завету Спинозы, он учил «не плакать, не смеяться, а понимать». Отвечая на идеологические обвинения, Левада утверждал: «Букварь – тоже оружие в идеологической борьбе, если велика неграмотность или малограмотность». В отношении к работам социологов США и других зарубежных авторов он использовал тот же критерий – отделение научного от ненаучного и реакционного, подчеркивая: «Если ли истина – за нас, то без объективного подхода к проблеме нет и партийности»³⁰. Обвинения в «парсонсианстве» уже тогда были, можно сказать, нелепыми. Левада, по словам Л.Д. Гудкова, «довольно критически относился к тому, что он называл в частных разговорах “рационалистическими упрощениями”, склонностью к плоскому рационализму и утилитаризму: конструирование социальных систем (структур социального взаимодействия) из очень ограниченного набора типов действия»³¹. Вместе с тем Левада высоко оценивал вклад Т. Парсонса в разработку социологической теории, считал его одним из немногих социологов, наделенных «божественной искрой». Парсонс дважды посещал Москву и выступал на семинарах Левады. В то время намного хуже было то, что советские обществоведы в большинстве своем не были знакомы с работами этого уже классика социологии.

Я остановился на «Лекциях по социологии» еще и потому, что они в определенном смысле факт и моей биографии. Но в многоплановом научном наследии Левады «Лекции» составляют лишь небольшую часть. Сам он неоднократно высказывался достаточно критично об этой своей работе, оценивая ее как «скромную по замыслу и несовершенную по исполнению»³². В этом был естественный элемент защиты, но также и проявление личностных качеств – человеческого достоинства и высокого профессионализма. Думаю, что внутренне он соглашался с Г.В. Осиповым в том, что «о результатах нашего труда – пусть беспристрастно выскажется Время». Прошло время – 42 года это немалый срок, – появилось много «хороших и разных» отечественных и переводных лекционных курсов, учебников и учебных пособий. И все-таки работа Левады сохраняет свое значение как образец лек-

торского мастерства, творческого подхода, богатства мыслей и фактов, уважения к предшественникам, корректности в полемике, свободного владения материалом и чувством юмора.

Наш университетский учитель, профессор В.Ф. Асмус, однажды заявил, что человеку достаточно прочитать 12 книг, проблема лишь в том, как их найти. Одну из них – «Лекции» Левады – я бы порекомендовал читать и перечитывать не только студентам и преподавателям социологии, но и всем, кто стремится к познанию социальных явлений, выработке инновационного стиля мышления.

¹ Докторов Б.З. Юрий Левада. Портрет для потомков (в связи с выходом книги воспоминаний о Ю.А. Леваде) // Социология. 2010. № 2. С. 128.

² См.: Левада Ю.А. Комплексы общественного мнения // Социология. 1997. № 1 (статья первая); Социология. 1998. № 1 (статья вторая).

³ Докторов Б.З. Указ. соч. С. 130.

⁴ См.: Довнар-Запольский М.В. История Белоруссии. Мн., 2003. С. 71.

⁵ Воспоминания и дискуссии о Юрии Александровиче Леваде. М., 2010. С. 71.

⁶ Воспоминания... С. 76–79.

⁷ Левада Ю.А. Лекции по социологии // Левада Ю.А. Лекции по социологии; Семенов Ю.Н. Киноискусство и массовая аудитория. М., 2008. С. 189.

⁸ Там же. С. 167.

⁹ Там же. С. 168.

¹⁰ Мамардашвили М.К. Из лекций по социальной философии // Социол. журн. 1994. № 3. С. 34.

¹¹ Лонгмак Ф. Демография // Esquire. 2011. № 3. С. 111.

¹² Воспоминания... С. 109.

¹³ Щепаньский Я. Элементарные понятия социологии. М., 1969. С. 16.

¹⁴ Левада Ю.А. Лекции по социологии. С. 94.

¹⁵ Там же. С. 182.

¹⁶ Там же. С. 185.

¹⁷ См.: Паспорт экономического и социального развития г. Минска на 1976–1980 гг. Мн., 1976. С. 5.

¹⁸ Маркс К., Энгельс Ф. // Соч. Т. 22. С. 306.

¹⁹ Там же. Т. 21. С. 25.

²⁰ Чагин Б.А. Очерк истории социологической мысли в СССР. М., 1971. С. 196.

²¹ Там же. С. 198.

²² См.: Маркс К., Энгельс Ф. // Соч. Т. 19. С. 233–240.

²³ См.: Ленин В.И. // Полн. собр. соч. Т. 36. С. 372.

²⁴ Воспоминания... С. 116–117.

²⁵ См.: Марксистско-ленинская теория исторического процесса: в 2 т. М., 1981. Т. 1; М., 1983. Т. 2.

²⁶ См.: Ленин В.И. Три источника и три составных части марксизма // Полн. собр. соч. Т. 23.

²⁷ Там же. Т. 36. С. 65.

²⁸ Левада Ю.А. Лекции по социологии. С. 36.

²⁹ Воспоминания... С. 106.

³⁰ Там же. С. 118.

³¹ Там же. С. 383.

³² Там же. С. 115.

Поступила в редакцию 04.05.11.